

Элисабет Осбринк

1947

Элисабет Осбринк 1947

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43626181

1947: Ад Маргинем Пресс; Москва; 2019

ISBN 978-5-91103-482-5

Аннотация

«Время идет не совсем так, как думаешь» – так начинается повествование шведской писательницы и журналистки, лауреата Августовской премии за лучший нон-фикшн (2011) и премии им. Рышарда Капуцинского за лучший литературный репортаж (2013) Элисабет Осбринк. В своей биографии 1947 года, – года, в который началось восстановление послевоенной Европы, колонии получили независимость, а женщины эмансипировались, были также заложены основы холодной войны и взведены мины медленного действия на Ближнем востоке, – Осбринк перемежает цитаты из прессы и опубликованных источников, устные воспоминания и интервью с мастерски выстроенной лирической речью рассказчика, то беспристрастного наблюдателя, то участливого собеседника.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Январь	7
Февраль	20
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Элисабет Осбринк

1947

*В реках – от будущего на север —
я раскинул сети, а ты
нерешительно в них погружаешь
начертанные камнями
тени¹.*

Пауль Целан

Elisabeth Åsbrink
Natur & Kultur
1947

© Elisabeth Åsbrink 2016. Published by agreement with
Hedlund Agency

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2019

* * *

Время идет не совсем так, как думаешь.

Первого января 1947 года «Таймс» пишет, что англичанам нельзя полагаться на свои часы. Для полной уверенности, что время есть именно то, за что себя выдает, им надо слушать «Би-би-си», которая будет особо сообщать, который час на самом деле. На электрические часы воздействуют ча-

стые перебои с подачей электроэнергии, однако и механическим часам поверка тоже не мешает. Вероятно, все дело в холодах. Вероятно, ситуация улучшится.

За годы войны на Великобританию сброшено около 50 000 бомб. Повреждено свыше 4,5 миллионов построек. Небольшие города в провинции почти стерты с лица земли, как тот шотландский портовый городок, бомбардировка которого даже получила название: Клайдбанк-блиц².

В австрийском городе Винер-Нойштадт некогда было 4000 домов. Уцелело только восемнадцать. В Будапеште непригодна для жилья половина домов. Во Франции разрушено в общей сложности 460 000 построек. В Советском Союзе полностью уничтожены 1700 небольших городов и деревень. В Германии разбомблено круглым счетом 3,6 миллиона жилищ, каждое пятое в стране. Половина домов в Берлине для жилья непригодна. По всей Германии остались без крова свыше 18 миллионов людей. Еще 10 миллионов бездомных – на Украине. Все они вынуждены довольствоваться ограниченным доступом к воде и нерегулярным – к электричеству.

Прав человека не существует, понятие «геноцид» почти никому не знакомо. Уцелевшие только-только начали считать своих мертвецов. Одни едут домой и не находят дома, другие едут куда угодно, только не туда, откуда пришли.

² Клайдбанк-блиц – два разрушительных налета германского люфтваффе на шотландский городок Клайдбанк в марте 1941 года. – *Здесь и далее приводятся примечания переводчика.*

Сельские районы Европы уничтожены, разорены и отчасти затоплены, оттого что плотины выведены из строя. Возделываемые земли, леса, крестьянские усадьбы – человеческие жизни, пища и труд – сожжены дотла, затянуты глиной.

Во время немецкой оккупации Греция лишилась трети своих лесов. Сожжено более тысячи деревень. В Югославии уничтожено больше половины поголовья скота, а грабительский вывоз зерна, молока и шерсти разорил экономику. Армии Гитлера и Сталина оставляли за собой пустыню не только при наступлении, они получили приказ уничтожать все на своем пути и при отступлении. Тактика выжженной земли: вражеским войскам не должно достаться ничего. Как говорил Генрих Гиммлер: «Не оставить ни единого человека, ни единого домашнего животного, ни единого зернышка, ни единого кусочка рельсов, <...> враг должен найти землю полностью выжженной и разрушенной».

Теперь, после войны, все ищут наручные часы – крадут их, прячут, забывают, теряют. Ясности со временем по-прежнему нет. Когда в Берлине 8 вечера, в Дрездене – 7, а в Бремене – 9. В русской зоне действует русское время, тогда как англичане в своей части Германии вводят летнее время. Спросив, сколько времени, люди большей частью слышат в ответ, что оно пропало. В смысле, пропали часы. А может, пропало время?

Январь

Араб-аль-Зубайд

Хамде Джомá – девушка энергичная, но всему есть предел. И он уже близок.

Когда приходит в деревню, этот человек с волшебным ящиком созывает детей. Малыши выпросят у матерей крупы, старшие украдут, но все они придут смотреть на волшебный ящик, который, по словам его хозяина, поедает сахар и выплевывает карамельки. Дети смеются и платят ему пшеничными хлопьями, чечевицей и овсом. Он рассказывает истории и показывает картинки, которые становятся рассказами, когда он сует в картонный ящик палку и крутит ее.

Хамде шестнадцать лет, и она глядит не наглядится на волшебство подвижных картинок. Она крадет у матери хлеб, чтобы заплатить этому человеку, горстями таскает из кладовки чечевицу. Потом вспоминает, что у дяди, брата отца, много кур и пять индюшек. Днем, когда дядя спит, она пробрается в его шатер и крадет яйца – лишь бы снова увидеть движущиеся картинки, услышать о героях и борцах за свободу, почувствовать, как мир ширится. Но когда она с добычей крадется к выходу, дядя просыпается, хватает ее и дает тума-

ка. Яйца разбиваются, и этой ночью Хамде в грязном платье спит в пещере, прячется от дядиного гнева. Но он пройдет.

Каждый вечер, заканчивая свои рассказы, мужчина с волшебным ящиком произносит одни и те же слова: «Вот и темень, вот и ночь».

Вашингтон

В Овальном кабинете Белого дома президент Трумэн делает записи в дневнике. Шестого января он просыпается рано и успевает несколько часов поработать, а потом пешком идет на железнодорожный вокзал встречать свою семью. Хорошая тридцатипятиминутная прогулка, пишет он в дневнике, радуясь возвращению жены и детей. Чертовски неприятно быть одному в этой большой белой тюрьме. Ночами половицы скрипят и потрескивают. Не требуется большой фантазии, чтобы увидеть, как расхаживает взад-вперед старый Джеймс Бьюкенен, полный тревоги о мире, вышедшем из-под его контроля. На самом деле вверх-вниз по лестницам бродит целая толпа мятущихся президентов, сокрушаясь обо всем, что им следовало бы сделать лучше, и обо всем, что они сделать не успели. Кое-кто из его покойных предшественников от этого воздерживается, записывает Трумэн в своем синем дневнике. Им просто недосуг, слишком они заняты контролем над царством небесным и управлением преисподней. Но остальным, бедолагам-президентам, кото-

рые не добились своего, нет покоя. Белый дом – дьявольское место.

Лондон

Седьмого января Лондонское управление пассажирского транспорта уведомляет, что 500 его сотрудниц должны оставить работу. Пора им вернуться домой. В ближайшие месяцы будут уволены все кондукторши лондонских автобусов и трамваев. В общей сложности 10 000. Вернулись мужчины.

Мальмё

Движение возле границы, деревья, словно черные линии среди белизны пейзажа, шаги по замерзшей земле действительно почти не оставляют следов. Мир полон беглецов, стремящихся прочь, вон из страны. Некоторые границы охраняются меньше других, дороги узкие, извилистые, местное население занято своими делами.

Одна граница – между Германией и Данией. Другая – между Данией и Швецией. Водные границы, сухопутные границы, линии, прочерченные на бумажных картах, в реальности же обозначенные камнем, забором, тысячами сухих былин, шелестящих на ветру.

Одни бегут от пережитого. Другие – от последствий своих

поступков. Молчание. Секретничанье. Закодированные депеши и ночевки всякий раз на новом месте. Поток мужчин направляется из Германии в Данию и дальше, в Швецию. Заботливые руки обеспечивают их в дороге пищей и ночлегом.

Пер Энгдаль намерен вернуть себе загранпаспорт. Получает отказ и остается изолирован в своей стране, которую хочет и сохранить, и расширить, разорвав границы. Идея внутренне противоречивая, но он будет неустанно трудиться над ее осуществлением. Шведская тайная полиция классифицирует его как нациста, и после визита к Видкуну Квислингу в Норвегию во время войны и последующей поездки в Финляндию, где он встречается с несколькими высокопоставленными представителями вермахта, загранпаспорт у него изымают. Несмотря на неоднократные попытки, вернуть паспорт пока что не удастся, поэтому он принимает визитеров у себя, в Мальмё. У Энгдаля есть надежные сотрудники, которые разъезжают вместо него и занимаются организационной работой. В оставленных бумагах почти нет документов и названы лишь считанные имена. Приходится окольными путями выяснять, разыскивать и складывать в единую картину все, что происходило в течение тех месяцев, что составят 1947 год, время, когда все казалось возможным, поскольку все уже произошло.

Они едут со всей Европы. Большинство воевало в дивизиях СС на Восточном фронте, кроме того, много прибалтов, которым грозит выдача Советскому Союзу. Всем им нуж-

на помощь, чтобы избежать последствий своих военных действий, и человек без паспорта принимает их всех.

Пер Энгдаль – лидер шведских фашистов, но поток беглецов, ищущих его помощи, он намерен держать за пределами своего движения, деликатно и под шифром. Вот почему центром этой деятельности становится его частная квартира на мальмёской Местер-Хенриксгатан, 2. Встречи получают литературную окраску, поскольку фашист, который вдобавок пишет стихи, использует в качестве шифров для беглецов, прибежищ и перемещений названия книг – чтобы держать в неведении шведскую полицию.

Сколько их прибывает? Неясно. Кто они? Неизвестно. Но иные из этих тысяч беглецов становятся больше чем именем, возможно даже друзьями. Как профессор Йоханн фон Леерс, ближайший помощник и протеже министра пропаганды Геббельса, один из наиболее влиятельных идеологов нацистской пропаганды ненависти. Волевой и активный юдофоб в нацистском руководстве. Крупное имя, крупная дичь. Фон Леерс попал в плен к американцам и был интернирован в Дармштадт, но через полтора года сумел бежать. В дальнейшем след его размыт и противоречив. На несколько лет ему удастся исчезнуть, но в 1950-м он бесспорно появляется снова, в Буэнос-Айресе. Одни утверждают, что фон Леерс несколько лет скрывался в Северной Германии, другие же – что он инкогнито жил в Италии.

Не подлежит сомнению вот что: в конце 1946 года он едет

в старинный купеческий город Фленсбург, километрах в десяти от датской границы. Там его встречает датский эсэсовец-доброволец Вагнер Кристенсен и провожает в датский поселок Падборг, расположенный без малого в десяти километрах.

«Мы водили беглецов по тропе через болото и через границу».

Молодому Кристенсену нравится Йоханн фон Леерс – позднее они будут поддерживать контакт, – и он провожает нового друга дальше, через Данию в Копенгаген, где уже другие переправляют его на лодке через Эресунн.

«Я не мог путешествовать, поэтому им пришлось ездить ко мне», – будет позднее с гордостью вспоминать Энгдаль, тщательно избегая называть имена.

Несколько тысяч беглых нацистов Энгдалю и его товарищам удастся обеспечить работой. Верфь «Коккум» и производитель счетных аппаратов «Аддо» охотно идут навстречу, при условии, что Энгдаль ни словом не обмолвится об этом в своей газете «Веген фрамот» («Путь вперед»). Все они понимали, что требуется: действовать, но скрытно, без света.

Пер Энгдаль – поэт, журналист, фашистский лидер. Шведская полиция считает его подлинным основоположником шведского нацизма.

«Уже перед войной он был известен как шведский нацист, имевший превосходные связи с международным нацизмом. Он был персона грата в Берлине и Риме. <...> Еще в конце

1945 года Энгдаль завязал контакт с оставшимися за рубежом нацистскими и фашистскими ячейками», — пишет центральное полицейское ведомство, Государственная полиция, в отчете начала 1950-х годов.

Рим

Всего за несколько дней до наступления нового 1947 года пятеро мужчин собираются в Риме на проспекте Реджина-Элена. Журналист, археолог, ревизор, профсоюзный лидер и человек, утверждающий, что он внебрачный сын Бенито Муссолини. Сообща они учреждают Итальянское социальное движение (Movimento Sociale Italiano), основанное на тех же идеях и идеалах, что и фашистская партия Муссолини. Это движение быстро приобретает множество приверженцев и получает от частных лиц крупные денежные дотации. Уже через несколько месяцев по всей Италии открываются местные отделения, и движение может начать свою работу, нападая на демократию и противодействуя коммунизму. И не только в Италии. Их цель — новая Европа.

Фалангисты в Испании, перонисты в Аргентине, британские фашисты во главе с Освальдом Мосли, неонацисты, нелегально собирающиеся в Висбадене под руководством Карла-Хайнца Пристера. И Пер Энгдаль в Швеции. Они в подполье и действуют, меж тем как мир смотрит в другую сторону. Уже сейчас они создают собственную хорошо ор-

ганизованную курьерскую службу, чтобы обходить паспортные, визовые и валютные ограничения. Вскоре эти люди сблизятся, даже встречаться будут. Накопленная инерция маятника, который качнется вспять.

Польша

Девятнадцатого января в Польше проходят выборы. Но за последние недели полумиллиону поляков предъявили обвинение в сотрудничестве с нацистами и в наказание лишили права голоса. Более 80 000 членов антикоммунистической партии «Польске стронництво людове» арестованы прямо накануне выборов. Около 100 из них убиты польской тайной полицией.

В результате коммунисты одерживают грандиозную победу.

На Ялтинской конференции 1945 года Сталин обещал Польше свободные выборы, но это – смертельный удар по многопартийной системе.

Аль-Махмудия

Сын египетского часовщика, Хасан аль-Банна, желает вернуть время в сторону ислама. Некогда он был любознательным ребенком, своенравным и энергичным, как его

мать, и более устремленным вовне, чем отец. Мировое время выверялось в отцовской мастерской, где немые циферблаты ждали стрелок, в коробках поблескивали крохотные подшипники, а сам звук отремонтированных часов становился наградой за труды. Тиканье, четкое и ровное, сообщало, что и вещь, и время пришли от беспорядка к порядку, от хаоса к контролю.

За пределами отцовской мастерской лежал Египет с его пшеничными полями, с людьми, гнувшими спину под презрительными взглядами англичан. Несвободная страна. И так же густо, как пшеничные колосья в полях, стояли стихи в Коране.

Мальчик выучился ремеслу, стал часовым мастером. Когда находишься в помещении, полном часов, время становится и другом, и врагом. И когда разбираешь часы, рассматриваешь их внутренность, а затем заставляешь время снова идти, оно становится силой, которой можно управлять.

Париж

Самолет мчит Симону де Бовуар в Нью-Йорк. В салоне, рассчитанном на сорок человек, всего десять пассажиров, так что уже на борту она чувствует себя заблудшей. Словно оставляет позади, в Париже, свою жизнь. Впереди откроется что-то другое, новое, и сделает ее кем-то другим. Самолет в воздухе. Двадцать пятое января. Она пишет: «Я нигде. Я

где-то в другом месте. Какое теперь время?»

Нью-Йорк

В это время еще не существует универсальных прав человека. Но ощущало ли мировое человечество нехватку того, о чем оно не ведало? Хватало ли ему защиты мировых религий, которые желали сблечь человека как частицу божества?

Мир поднимается из жирного человеческого праха. Здесь и сейчас, в случайной конторе Объединенных Наций на самолетостроительном заводе близ городка Лейк-Саксес, будут созданы универсальные ценности. Новые идеи, новые предпосылки гуманности, новая мораль. Права человека не должны зависеть от того, кто он – христианин или буддист, рожден ли в состоятельной или неимущей семье, какое у него имя, пол, положение, страна рождения или цвет кожи.

В мировую историю вступает шестидесятилетняя женщина, которой поручено руководить этой работой. Недавно ее лишили водительских прав за небрежную езду. Где-то глубоко под потоками будничных политических событий, скорби о покойном муже, ФранкLINE Д. Рузвельте, где-то под слоем мыслей о старости, материнстве и непривычности для людей лидера-женщины струятся слова, которые с этого первого и до последнего дня будут сопровождать рабочей группе, те самые, что можно прочесть у философа конфуцианца Мэн-

цзы или в двенадцатой главе Послания к Римлянам: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»³.

Первое заседание рабочей группы Элеонора Рузвельт назначает на 27 января. Царит некоторая эйфория. «Больше никогда», – твердят друг другу и самим себе люди во всем мире. «Больше никогда», – говорят члены рабочей группы по правам человека, вряд ли осознавая масштабы своей задачи.

«Больше никогда». Эти слова повторяются, как кисточки на таллите, на молитвенной шали, словно Бог существует.

Мальмё

Январский ветер гуляет по городу Мальмё. Случайный гость, господин фон Леерс, привлекает внимание своей шляпой. Он изучал юриспруденцию, зарабатывал на жизнь как нацистский журналист, вступил в СС, и вскоре министр пропаганды Йозеф Геббельс, впечатленный его талантами, взял его к себе в качестве главного идеолога.

С точки зрения распространения ненависти Йоханн фон Леерс оказывается весьма удачным приобретением. В книге «Евреи смотрят на тебя» он поименно называет целый ряд людей, которых считает евреями, выдающихся немецких политиков, ученых и художников, публикует их фотогра-

³ Рим. 12:21.

фии и призывает своих однопартийцев убивать их. В частности, упоминает Альберта Эйнштейна, покинувшего Германию еще в 1933-м. «Пока не повешен», – отмечает фон Леерс. Однако многих других похищают и убивают, будто его слова – приказ.

Теперь он, стало быть, прибыл в Мальмё.

Кто покупает билет, кто встречает его в порту, кто провожает к Перу Энгдалю?

Некоторое время фон Леерс остается в Мальмё, общается с Энгдалем. Что они могли обсуждать, что у них общего, у лидера шведских фашистов и у махрового геббельсовского юдофоба? Может быть, именно здесь их мечтания получают пищу, а мысли о новом будущем облакаются в слова? Может быть, именно сейчас, в первые дни года, проведенные вместе с Йоханном фон Леерсом, обретает ясность представление Пера Энгдаля о послевоенной Европе?

Поток эсэсовцев, выбравших бегство через Скандинавию, не иссякает. Пер Энгдаль полагает себя центром движения, состоящего из отдельных ячеек, причем эти ячейки не знают друг о друге, но действуют во имя общей цели – спасти храбрецов, которым грозят кара и экстрадиция вражеским державам. Энгдалем словно бы руководит огромное сочувствие к эсэсовцам, особенно к прибалтам, рискующим оказаться в руках Советского Союза: «Мы в этом участвовали. Мы знаем, чего это стоило. Мы видели людей, у которых не было на всем свете по-настоящему надежного места, людей,

чья родина оккупирована, а на них самих охотятся, как на диких зверей...»

Он пишет о судах, идущих из Швеции в Испанию или в Латинскую Америку, однако в своей автобиографии упоминает, что большинство эсэсовцев переправляют в Западную Германию, которая считается относительно безопасной. Пожалуй, он и его люди помогли в общей сложности 4000 беглецов, хотя, возможно, цифра и чуть меньше.

Спустя несколько лет Йоханн фон Леерс окажется в Буэнос-Айресе, одной из крупнейших колоний нацистских преступников. Президент Перон принимает их с распростертыми объятиями, не только потому что симпатизирует их идеям, но и потому, что из фондов Третьего рейха ему очень хорошо платят за хлопоты. И Йоханн фон Леерс и Пер Энгдаль продолжают строить свою мечту, по отдельности и сообща.

Февраль

Париж

Сейчас, 12 февраля, Кристиан словно бы рождается вновь, так он чувствует. Это – день Д, как *de luxe*, как Диор. Он показывает первую коллекцию под собственным именем.

Гадалки в его жизни – поворотные пункты. Вспомнить хотя бы тот раз, когда Кристиан дома, в Гранвиле, участвовал в благотворительном базаре, переодетый цыганом продавал амулеты на счастье. А когда пришло время собираться и идти домой, наемная провидица схватила его за руку и нагадала, что у него будет много женщин, – непонятное пророчество и для четырнадцатилетнего подростка, и для его родителей. Однако теперь заново рожденный Кристиан Диор радостно говорит: «В каждой стране есть женщины худошавые и полные, темноволосые и белокурые, женщины со скромным вкусом и те, что любят выглядеть вызывающе. Есть женщины с изумительным декольте и такие, что стараются спрятать бедра. Одни слишком высокие. Другие слишком маленькие. В мире великое множество красивых женщин, и их формы и вкусы бесконечно разнообразны».

Всего несколькими месяцами ранее он открыл свое *bureau*

*des rêveries*⁴ и с большой тщательностью набирает сотруди-
ков. Они должны стремиться к элегантности, дополнять его
и его воплощенные грезы вышивками, вуалями и тонкостью
ручной работы. И он умеет угодить богине по имени Пуб-
личность, так что она велит судьбе работать на него.

Трехэтажный дом под номером 30 на авеню Монтень в
Париже, с его узорными чугунными балконами и блестящей
дверью-вертушкой из стекла и красного дерева, становится
обителью его нового «я», без прошлого, но со всем мысли-
мым грядущим. Там он с коллегами работает среди рулонов
ткани и клубов пара, лихорадочно и сосредоточенно.

Из-за нового закона, запрещающего во Франции все бор-
дели, толпы женщин ищут новую работу. Кристиан Диор да-
ет в газете объявление о наборе манекенщиц и буквально то-
нет в потоке соискательниц. В этой массе он находит толь-
ко одну, Мари-Терезу. Остальные – Ноэль, Поль, Иоланда,
Люсиль и Таня – приходят из мира *haute couture*, из модных
парижских ателье.

Все они очень худенькие, *naturellement*⁵, и Кристиан реко-
мендует им обзавестись накладным бюстом. Настало новое
время, и все теперь будет иначе: изгибы, корсеты, накладные
бедра. Талия настолько тонкая, что мужчина может обхва-
тить ее, сомкнув ладони. *The New Look*, стиль «Нью-Лук».

По улицам ходят женщины, одетые в привычный солид-

⁴ Бюро грез (франц.).

⁵ Конечно, разумеется (франц.).

ный габардин, за неимением чулок красят ноги в коричневый цвет, да еще и проводят более темную вертикальную полосу, имитируя шов. Шляпы у них большие, юбки короткие, до колен, волосы длинные, валиком уложенные надо лбом и свободными локонами падающие на спину, когда они на велосипедах разъезжают по Парижу, – все одинаковые в навязанной бедностью демократичности. Кристиан называет их амазонками и ужасается их угловатым силуэтам, лишенным изящества, грубым, как военные фотографии.

Второй год кряду зимы стоят немилосердно холодные, сибирские, мрачные, а ему хочется весны. Он думает о цветах, о женщинах, о женщинах-цветах – округлые плечи вместо по-военному прямых, мягкие линии, юбки-клеш. Он непрерывно рисует, повсюду, порой сотни эскизов в сутки. Платья как архитектура. Платья как восьмерки, тюльпаны, буква «А». Платья, которые не только любят женщин, но побуждают их любить самих себя, делают счастливыми. Своим девизом он выбирает «Я останусь». Сознает ли он, что отныне все, к чему он прикоснется, станет золотом?

Мир погряз в бедности, скуден и испуган, скован продуктовыми и промтоварными карточками. Все существо Кристиана бунтует, жаждет взорваться пурпуром и тафтой, читать реальность при свете только что ограненного алмаза. Скоро его идеи воплотятся в шелку, окрашенном в нужный оттенок еще как нить, а не как готовая ткань.

Тринадцатого февраля он уже знаменит на весь мир. По-

каз, публикации в газетах – на все это потребовалось не больше суток. Женщины выстаивают длинные очереди, чтобы в его магазине записали их мерки. Кинозвезда Оливия де Хэвилленд покупает платье «Паспарту» из шерсти цвета морской волны. Рита Хейуорт заказывает к премьере фильма «Гильда» праздничное платье «Суаре». Даже королева богемы Жюльетт Греко непременно желает блистать в Латинском квартале туалетами от Диора. Обычные женщины тоже не в силах устоять перед соблазном. Несмотря на нехватку тканей, быстро шьются подделки для обычных магазинов, а дома своими руками удлинняют юбки и перешивают пальто, чтобы подчеркнуть талию.

Бледные морские жемчужины, как ярко они отсвечивают. Щелчки ножниц, режущих нити. *Révolution!*

Лондон

Британцы устали. От сионистских бомб и терактов. От того, что приходится постоянно улаживать арабов. От того, что за последние два года на Палестину истрачено 80 миллионов фунтов и что там, вдали от своих домов, поневоле находятся 100 000 англичан.

«...из-за этой бессмысленной грязной войны с евреями, которая ведется ради того, чтобы в конечном счете отдать Палестину арабам или бог знает кому еще», как говорит Уинстон Черчилль.

Великобритания, которая в свое время оккупировала эту территорию, чтобы обезопасить торговые пути и колониальную власть, более не намерена рассматривать будущее Палестины как внутреннее дело англичан и перекладывает ответственность на остальной мир. Восемнадцатого февраля, через пять дней после сказочного успеха Кристиана Диора, британцы заявляют, что передают вопрос о будущем Палестины в ведение ООН, без каких-либо рекомендаций. Они хотят убраться подальше от этой беды, как можно дальше от ответственности за разрешение этой проблемы.

Всего несколько месяцев назад Лига арабских государств (ЛАГ) думала предложить то же самое – передать всю проблему ООН, – однако теперь действия англичан вызывают бурный протест. Хотя Египет, Сирия, Ливан, Ирак, Трансиордания⁶ и Саудовская Аравия по-разному относятся друг к другу, в первую очередь на них влияет один-единственный человек – хаджи Амин аль-Хусейни. Он лидер палестинских арабов и занимает два высоких поста: председателя Высшего мусульманского совета и верховного муфтия Иерусалима. Британцы устали и от него.

ООН постановляет организовать комиссию из представителей нейтральных стран. Пусть они и займутся решением обозначенной проблемы. Лига арабских государств счита-

⁶ Трансиордания – существовавший на Ближнем Востоке с 1921 года зависимый от Великобритании эмират; в 1946 году получил независимость, а после арабо-израильской войны 1947–1949 годов самопереименовался в Королевство Иордания.

ет, что необходимости в комиссии нет, надо просто создать на всей этой территории независимое палестинское государство, и дело с концом. Австралия предлагает делегатов из одиннадцати стран. Лига арабских государств пытается настоять, чтобы в комиссию вошли представители ее стран-членов, по одному от каждой, но безуспешно. Требование сионистов включить в состав комиссии англичан и американцев также отклонено. Кроме Австралии в новую комиссию (ЮНСКОП⁷) входят делегаты Швеции, Канады, Чехословакии, Гватемалы, Индии, Ирана, Нидерландов, Перу, Уругвая и Югославии. Особой радости никто не испытывает.

Сионисты настаивают, чтобы комиссия посетила лагеря в Европе, где собраны люди, уцелевшие после геноцида. Арабские страны протестуют: по их мнению, комиссия должна изучить только ситуацию на месте, в пределах нынешней Палестины. Но, согласно инструкциям ООН, комиссия может работать где угодно, в Палестине или в ином удобном для нее месте.

Председателем становится шведский юрист Эмиль Сандстрём, и после первого заседания в Нью-Йорке члены комиссии решают провести пять летних недель в Палестине. В их распоряжении несколько месяцев. За это время конфликт должен быть урегулирован.

⁷ ЮНСКОП (UNSCOP = United Nations Special Committee on Palestine) – Особая комиссия ООН по Палестине (англ.).

Чикаго

Симона де Бовуар постоянно записывает, как выглядят другие женщины. «Очень некрасивая». «Красивая, но глупая». «По-моему, единственная достаточно интеллигентная женщина, с которой можно общаться, но некрасивая». Так она характеризует своих знакомых по литературному Парижу. Сейчас она покинула свой четко обозначенный район, поехала в Америку, в четырехмесячное лекционное турне. Сменить реальность, стать чужестранкой – в первые дни это чрезвычайно ее занимает.

«Мое присутствие заёмно. На тротуарах для меня места нет. Этот мир, где я внезапно очутилась, не ждал меня. Он был целостен без меня – и остается целостен, без меня. В этом мире меня нет, и я цепляюсь за него в мое отсутствие».

Подруга сказала ей, что в Чикаго ей надо повидать Нельсона Альгрена. Симона де Бовуар следует совету. Двадцатого февраля она впервые встречается с писателем Альгреном. Ему тридцать восемь, она годом старше.

Однажды вечером он показывает ей свой мир, окрестности Вест-Мэдисон-авеню, которые называет чикагской глубинкой. Холостяцкие общежития, ночлежки, грязные бары. В первом баре играет маленький ансамбль, женщины раздеваются и непристойно двигаются под табличкой, запрещающей танцы. Хромые, увечные, пьяные – все танцуют. Симо-

на наблюдает, говорит: «Красиво».

Нельсон удивлен, но ему это по душе: «Вы, французы, способны видеть, что уродливое и красивое, смехотворное и трагичное, доброе и злое существуют параллельно. Американцы так не умеют. Для них есть только или-или».

Они идут дальше, в бар для черных, потом в еще один. Улицы пустынные, холодные, заснеженные, сиротливые. На обратном пути в такси они целуются.

На другой день де Бовуар и Альгрен бродят по бедным, замызганным польским кварталам, где он провел детство и значительную часть взрослой жизни. Снова ходят из бара в бар, мерзнут на холодном, пронизывающем ветру и согреваются водкой. Им не хочется разлучаться, но надо: у де Бовуар в этот вечер назначен ужин с двумя французами, которых она ненавидит, ведь вынуждена из-за них прервать прогулку с Нельсоном Альгренем. Наутро, перед отъездом из Чикаго, она звонит ему с вокзала, и разговор длится долго, до самого отхода поезда.

«Им придется вырезать трубку из моей ладони».

По дороге в Лос-Анджелес она решает непременно вернуться в Чикаго.

Нельсон Альгрен живет в халупе без ванной и холодильника, на узкой улочке, полной вонючих мусорных баков и выброшенных газет. Симона де Бовуар находит, что бедность освежает. Тревожит ее только боль. Если уже сейчас ей больно уехать от него, то что же будет, если они встретят-

ся вновь?

В письме Симона задает Нельсону этот вопрос. Он отвечает: «*Too bad for us if another separation will be difficult*»⁸. Возвращайся.

Исмаилия

Несложно перечислить то, что вызывает у Хасана аль-Банна отвращение. Сексуальная распущенность. Освобождение женщины. Демократия. Музыка. Танцы. Песни. Иностранное влияние.

Аль-Банна издавна ставит перед собою цель насаждать добро и предупреждать зло. Еще подростком в городе Аль-Махмудия он вместе с несколькими товарищами создает группу, задача которой – повесить мораль молитвами и бдениями. Однажды он идет по берегу Нила и видит вырезанную из дерева фигуру обнаженной женщины, как раз там, где матери поселка черпают воду. Видимо, корабельщики развлекались или пробовали воспроизвести женские формы, но юный Хасан аль-Банна полагает, что здесь нечто недозволенное и надо сообщить об этом властям. Сказано – сделано. Он сообщает в полицию, и в школе его ставят в пример.

Это правда? Так было на самом деле? В любом случае эта история сыграет важную роль в развитии ислама как поли-

⁸ Скверно для нас, если новая разлука окажется тяжелой (англ.).

тического движения: передаваемая из уст в уста легенда о молодом человеке, который не боится ни говорить правду, ни поправлять старших.

Двадцатилетний аль-Банна живет в одном из домов города Исмаилия. Помещения в самом низу снимают евреи, на первом этаже живут христиане, а он и его друзья – на самом верху: метафора развития монотеистических религий, так он это понимает. Позднее он создает организацию «Братья-мусульмане».

Нидерланды

Тюльпаны не цветут, сады опустели, все выкопано. А что людям было делать? Говорят, вареные тюльпанные луковицы вкусом напоминают каштаны, нежные и сладковатые, но если съешь больше четырех, отравишься.

Не пристало говорить после войны о национальных шрамах, скорее уж о национальном параличе. Поезда толком не ходят, поскольку нет паровозов. Нацисты отдали их Румынии. Вдобавок они демонтировали и значительные участки телефонной сети, так что теперь людям приходится пользоваться временками, по крайней мере если они хорошо платят. Того, кто платит лучше всех, соединяют в первую очередь. Голландцам не разрешено также покупать большое количество тюльпанных луковиц, во всяком случае, для личного хозяйства. Рынок принадлежит только профессионалам,

поскольку весь национальный цветочный резерв пойдет на экспорт в Америку. Сады так и стоят без цветов, запасы опустошены.

И никто даже слышать не желает слово «Германия», столь велико отвращение после оккупации. Новый закон объявляет 25 000 голландцев немецкого происхождения врагами народа и приговаривает к депортации, пусть даже они оказываются евреями, либералами или антифашистами.

Насилие идет хорошо протоптанной дорогой. Голландским немцам дается час, чтобы собрать все, что они смогут унести, но не более 50 килограммов, после чего их отправляют в следственные тюрьмы или в тюремные лагеря близ границы с Германией, вплоть до депортации. Дома и предприятия конфискуются в пользу государства. Операция «Черный тюльпан».

А затем облегчение? Очищение?

Ансбах, Южная Германия, американская зона

В Европе множество детей, чьи родители были расстреляны, отравлены газом, замучены, умерли от голода или холода. Дети остались живы, уцелели – оттого что их перекрашивали в блондинов, обеспечивали фальшивыми христианскими метриками, прятали в монастырях, опускали в ведрах в нужник, держали взаперти за стенами, на чердаках или в подполе, оттого что родители вытолкнули их в конец очере-

ди, когда дожидались расстрела на дунайском причале.

Часть этих тысяч детей собрана во временных детских домах и приютах, остальные бродят разрозненными шайками, живут на улицах и в развалинах. Есть и такие, как Йосеф, у которых в войну уцелел и один из родителей.

Орды детей – они мечтают о собственной стране? Может быть. Так или иначе, куда-нибудь им надо уехать.

В старой санатории в Штрюте, километрах в пяти к северо-западу от Ансбаха, ЮНППА⁹ совместно с сионистским Еврейским агентством¹⁰ организует детский дом. Низкие белые постройки становятся временным пристанищем для детей-сирот из Восточной и Центральной Европы, ожидающих разрешения на выезд в Палестину.

Позади жилых построек расположен участок, где можно выращивать овощи. Есть там и главное здание для персонала ООН, и флигель, где разместится медпункт. Здесь истощенные дети будут получать питание, 3000 калорий ежедневно, а также посещать школу и дополнительные уроки древнееврейского языка и еврейской культуры.

Первая группа венгерских детей прибывает в штрютский лагерь в сопровождении представителей кибуцного движе-

⁹ ЮНППА (UNRRA = United Nations Relief and Rehabilitation Administration) – Администрация ООН по вопросам помощи и послевоенного восстановления.

¹⁰ Еврейское агентство (Jewish Agency) – международная организация содействия переезду евреев в Палестину (1929–1951).

ния «Ха-шомер Ха-цаир»¹¹. Поначалу их руководители вообще отказываются иметь дело с ЮНРРА и с близлежащей военной базой, требуют полной самостоятельности. Местному персоналу лишь с большим трудом удастся убедить их, что определенное сотрудничество пойдет на пользу здоровью детей, гигиене и образованию. ЮНРРА обещает быть связующим звеном с военной базой, которая сдает в аренду помещения, и никоим образом не воздействовать на политическую направленность движения. На несколько дней все более-менее успокаивается, пока сионисты не узнают, что в лагере ожидают приезда еще 220 детей из Венгрии. Тут вспыхивают протесты. Сионистское руководство не на шутку встревожено: прибывающая группа слишком велика, лагерь будет переполнен, начнутся эпидемии. Но хуже всего опасность дурного морального влияния. Новая группа научит дисциплинированных ребят из «Ха-шомер Ха-цаир» воровать, курить, отказываться от подчинения и отлынивать от работы.

Персонал ЮНРРА озабоченно пишет в нью-йоркскую штаб-квартиру. Ведет с кибуцным руководством долгие беседы о важности общей ответственности за проблему беженцев и о том, что нельзя отворачиваться ни от кого из детей-сирот. Все напрасно. Только узнав, что прибывающая группа тоже относится к кибуцному движению – правда, к

¹¹ «Ха-шомер Ха-цаир» – сионистская молодежная организация левой ориентации.

соперничающей ветви «Ха-боним Дрор», не столь социалистической в смысле идеологии, но все же, – руководители социалистической «Ха-шомер Ха-цаир» примиряются с ситуацией.

Йосефу десять лет. Раньше его звали Дьёрдь, как и его отца. Но когда мать отдает его в сионистскую общину «Ха-боним Дрор», он получает новое имя – в знак нового будущего. Он уезжает из Будапешта, он на пути в Палестину, и лагерь детей-беженцев – промежуточная станция на этом пути.

Ехать далеко. Последний отрезок пути от баварского Айн-ринга Йосеф и все остальные сидят в кузове грузовика больше двенадцати часов. До места они добираются замерзшие и голодные, но, как докладывает персонал ЮНРРА, на удивление в хорошем настроении.

Благовоспитанные дети из «Ха-шомер Ха-цаир» встречают детей из «Ха-боним Дрор» песней. Ведут их в белые дома, показывают спальни, туалеты и столовую. Подают ужин, а потом моют посуду. Только в два часа ночи в спальнях гасят свет и все сироты, их кибуцные руководители и персонал ООН отходят ко сну.

Группа Йосефа приезжает из Будапешта одетая до невозможности плохо, башмаки буквально разваливаются, одежда с чужого плеча, на смену ничего нет. Только у нескольких есть чулки. Иных приходится держать в постели, пока их вещи не постирают и не починят. Зато они очень ценят гигиену. И по приезде первым делом спрашивают, нельзя ли

помыться.

Когда через несколько дней в белые постройки Штрюта прибывает третья группа, сионистский лагерь уже полон. В общей сложности 290 детей, частью не старше двух лет. Треть детей – в возрасте около десяти лет, как Йосеф. Примерно 70 человек – от двенадцати до тринадцати, а большинство – от четырнадцати до шестнадцати. Главным образом из Венгрии, но есть и польские дети, а несколько даже из Югославии и России.

Все очень непросто. Два соперничающих сионистских движения требуют помещать больных детей в разные отделения – чтобы не заразились неправильной политической идеологией. Персонал ЮНРРА урезонивает, умасливает, и мало-помалу в зеленеющей немецкой провинции наступают довольно спокойные будни.

Итак, теперь он здесь, этот мальчик. Когда-то он был венгром, звался Дьёрдь и жил с мамой и папой в центре большого города Будапешта. Теперь он сионистский пионер Йосеф, учит древнееврейский, знает о важности сельского хозяйства и доброго товарищества. Посещает уроки чтения, письма и счета, а также пения, драматического искусства и рисования. В свободное время занимается боксом. Знакомится с американскими солдатами с базы в Ансбахе, которые приезжают на джипах и изредка позволяют ему сесть за руль. Ключа зажигания нет, мотор включается кнопкой. Все это очень интересно. Шмуэль, Пинхас, Дов, а еще Дина и

Мирьям – его лучшие друзья. Все хорошо.

ЮНРРА отвечает в данном регионе за помощь еврейским беженцам и их реабилитацию, независимо от их политической деятельности. В документе под названием «Общие замечания и рекомендации касательно положения евреев в Центральной и Восточной Европе» один из сотрудников ООН подытоживает ситуацию. Европейских евреев можно разделить на две категории. Во-первых, это участники киббуцного движения. Они «хорошо организованы, преследуют один идеал и одну цель: свой дом, свой народ, Палестина. У них хорошие руководители, прекрасная дисциплина и высокий уровень коллективизма».

Во-вторых, те, у кого по-прежнему в крови гитлеровская отравка. «Они отказываются работать. Крадут. Занимаются сделками на черной бирже. Жизнь для них – вопрос каждодневного выживания. Их цель – отобрать все, что можно, у немцев и других врагов, в качестве минимальной платы за унижения, какие им довелось испытать. Когда разговариваешь с каждым по отдельности, они признают, что это самоубийственно, однако неизменно отвечают: „Когда я приеду в Палестину – или в США, или в Англию, – то стану совсем другим“».

Отчет констатирует, что именно с беженцами, разрушающими собственную личность, отравленными своим жизненным опытом, «должен работать самый лучший персонал, какой только может найти ЮНРРА, и относиться к ним надо

с пониманием и симпатией, строго и деликатно. <...> Им нужно хорошее питание, хорошее жилье, по возможности в окружении друзей и родственников, а не бараки с соломенными тюфяками и деревянными нарами, которые изо дня в день будут напоминать им о мучениях в концлагерях». Зло надо изгонять добром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.